
ОБРАЗ – МОТИВ – СЮЖЕТ

И.С. СЕРГЕЕВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*УДК 821.161.1.3(Достоевский Ф.М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44**МОТИВ ОБОРВАННОГО ДЕТСТВА
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»**

Аннотация. В статье предпринят анализ мотива оборванного детства в эпистолярном романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (1846). Устанавливается типичность трагических судеб детей, независимо от их социального статуса и происхождения, что вписывается в общую картину социального неблагополучия и несправедливости, воссоздаваемую в романе.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, эпистолярный роман, «Бедные люди», мотив оборванного детства, семантика образа ребёнка.

*...И ожесточается сердце
ребёнка, и дрожит напрасно на холоде
бедненький... словно птенчик,
из разбитого гнёздышка выпавший.
Ф.М. Достоевский*

«Бедные люди», названные В.Г. Белинским «первой попыткой у нас социального романа»¹, – произведение, ознаменовавшее начало литературной деятельности Ф.М. Достоевского.

Исследуя особенности воплощения образа ребёнка в «Бедных людях», необходимо учитывать жанровую специфику произведения. «Бедные люди» – эпистолярный роман, в котором субъектная организация несет на себе основную «тяжесть» жанровой конструкции². Всё изображаемое в эпистолярном романе даётся в свете сознания пишущих героев. «Людей и события внешнего мира, – справедливо утверждает Г.М. Фридендер, – автор заставляет проходить перед умствен-

¹ См.: Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. С. 282.

² См. об этом: Шер Е.Ю. «Последний Колонна» В.К. Кюхельбекера: реализация замысла романа в письмах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2007. С. 9; Третьякова О.В. Феномен «роман в письмах» в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2012. С. 8.

ным взором своих героев, раскрывая те разнообразные оттенки, которыми эти люди и события окрашиваются в их сознании в различные минуты душевной жизни Макара Алексеевича и Вареньки»³.

В письмах к Вареньке Макар Девушкин рассказывает историю семьи своего соседа – «чиновника без места» Горшкова («Бедны-то они, бедны – господи, бог мой!» – 42⁴). Условия, в которых живут герои, поражают крайним неблагополучием: «Ну, в какую же я *трущобу* попал, Варвара Алексеевна! – пишет Макар Девушкин, – Ну, уж квартира! Прежде... у меня, бывало, муха летит, так и муху слышно. А здесь *шум, крик, гвалт!*» [33]. Духота, «гнилой остро-усласщённый запах», соотносимый с запахом мертвечины, лестничные площадки с грязной посудой и поломанной мебелью, выбитые окна – всё это угнетающе действует на сознание человека, тем более ребёнка.

Семья Горшковых состоит из отца, матери и троих детей: мальчик «Петенька» («лет девяти»), девочка («лет шести с небольшим») и «грудной» ребёнок. Дети так замучены и забыты, что даже не хотят играть: «Всегда у них в комнате тихо и смиренно, словно и не живёт никто. *Даже детей не слышно*. И не бывает этого, чтобы когда-нибудь порезвились, поиграли дети, а уж это *худой знак*» [42]. Говоря о «худом знаке», Макар Алексеевич словно предугадывает горе, которое вскоре постигнет семью Горшковых: умирает старший мальчик Петя, «весь в отца, тоже такой *чахлый*» [42]. Девушкин пишет о горе семьи бедного чиновника с глубоким сочувствием, о чём свидетельствует использование им слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «У них уж и *гробик* стоит – *простенький*, но довольно *хорошенький* *гробик*; готовый купили, мальчик-то был лет девяти; надежды, говорят, подавал. А жалость смотреть на них, Варенька!» [74].

Для младшей сестрёнки смерть брата оказывается настоящим потрясением: «Маленькая девочка, дочка, стоит прислонившись к гробу, да такая, бедняжка, скучная, *задумчивая!*» [74]. Выражением потрясения становится недетская задумчивость девочки, даже какое-то оцепенение, её полное равнодушие к играм и редким в этой бедной семье сладостям: «Кукла какая-то из тряпок на полу возле неё лежит, – не играет; на губах пальчик держит; *стоит себе – не пошевелится*. Ей хозяйка конфетку дала; взяла, а не ела. Грустно, Варенька – а?» [75].

³ Фридендер Г.М. «Бедные люди» // История русского романа : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 408.

⁴ Здесь и далее цит. по: Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 15 т. Л. : Наука, 1988. Т. 1 (с указанием страницы в тексте статьи). Здесь и далее курсив в цитатах наш. – И.С.

Реакция родителей на смерть сына («Мать *не плачет*, но *такая грустная*, бедная. <...> Отец сидит в старом, засаленном фраке, на изломанном стуле. *Слёзы текут у него*, да, может быть, и *не от горести*, а так, по привычке, глаза гноятся», [74]) отражает их душевную опустошённость и бессилие перед социальными обстоятельствами. Возможно, смерть ребёнка даже начинает восприниматься взрослыми как частичное избавление от непосильной для них ноши: «Им, может быть, – размышляет Макар Девушкин, – и *легче*, что вот уж один с плеч долой; а у них ещё двое осталось, грудной да девочка маленькая» (74). Трагически безысходно звучат слова Девушкина о том, что «между тем ни с того ни с сего, *совершенно некстати*, ребёнок родился, – ну, вот издержки; сын заболел – издержки, умер – издержки» [123]. Выходит, родившийся на свет ребёнок оказывается лишним, становится тяжким бременем, с которым связаны непосильные для семьи бедного чиновника «издержки». Так, в раннем творчестве Ф.М. Достоевского возникает трагический мотив ненужности детской жизни, мотив нежеланного ребёнка в условиях неблагополучной социальной среды, ребёнка как обузы, а не как дарованного свыше счастья.

Смерть Горшкова окончательно лишает семью кормильца, и дети (шестилетняя девочка и грудной ребёнок) остаются сиротами. Находясь на пороге между жизнью и смертью, Горшков «долго гладил по головке ребёнка» [133], прощаясь и словно благословляя дочку: отец понимает, какие суровые испытания ждут сироту в будущем.

В кругозор Макара Девушкина входят не только бытовые сцены из жизни обитателей петербургского доходного дома (семья Горшковых), но и сцены жизни городской бедноты. Макар Девушкин сталкивается с большой социальной проблемой большого столичного города – проблемой детского попрошайничества: это мальчики и девочки «с записочками», написанными от лица «умирающей» матери, которой нечем кормить своих детей. «Среди этнографических реалий, вошедших в роман на правах художественного материала, – пишет в этой связи В.П. Владимирцев, – есть и редкостные, например обычай собирать подаяние по “записке”, представляющей собой один из видов городского народного красноречия»⁵.

В «Бедных людях» появляется образ десятилетнего мальчика с «записочкой», которого замечает Макар Девушкин: мальчик «был бы хорошенький, да на вид *больной такой, чахленький... в одной рубашонке* да ещё в чем-то *чуть ли не босой...*» [119]. Подчёркиваются нездо-

⁵ Владимирцев В.П. Опыт фольклорно-этнографического комментария к роману «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Л. : Наука, 1983. Т. 5. С. 76-77.

ровые ребёнка («чахленький»), его видимая бедность («в одной рубашонке», «чуть ли не босой»). Увлечённый игрой шарманщика, мальчик забывает на время о своих страданиях: «... *разиня рот* музыку слушает – детский возраст! загляделся, как у немца куклы танцуют, а у самого и *руки и ноги оковенели*, дрожит да *кончик рукава грызёт*» [119]. Когда прохожий бросил монету шарманщику, мальчик подумал, что деньги дал Девушкин, и направился к нему просить милостыню: «Подбежал он ко мне, *ручонки дрожат* у него, *голосёнок дрожит*, протянул он ко мне бумажку и говорит: записка!» [119]. Девушкин прочитал прежалостную мольбу в записке, но у него не было денег.

Чувствуя свою вину перед ребёнком из-за невозможности дать деньги и, видимо, желая её заглушить, Девушкин начинает резонёрствовать: «Но только то дурно, что зачем эти гадкие матери детей не берегут и полуголых *с записками на такой холод посылают*. <...> Ну, да всё обратиться бы, куда следует; а впрочем, может быть, и просто мошенница, нарочно *голодного и чахлого* ребёнка обманывать народ *посылает*, на болезнь наводит» [119-120]. С одной стороны, собирать милостыню детей именно «посылали» взрослые, то есть попрошайничество являлось своеобразной формой эксплуатации детского труда. Но, с другой стороны, по всему видно, что мальчик действительно нуждается в помощи: «Мальчик *бедненький, посинелый от холода*, может быть и *голодный*, и *не врёт*...» [119]. Рассуждая о таком промысле, к которому ребёнок приобщён с детства, Девушкин указывает на его последствия – развращение детской души: «И чему научится бедный мальчик с этими записками? Только *сердце его ожесточается*; ходит он, бегаёт, просит. <...> “Прочь! убирайся! шалишь!” Вот что слышит он от всех, и *ожесточается сердце ребёнка*, и *дрожит напрасно на холоде бедненький, запуганный мальчик*, словно *птенчик, из разбитого гнёздышка выпавший*» [120]. От мальчика «с записочкой» тянется нить к герою позднего рассказа Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» (1876), в котором тема детского беспризорничества раскрыта с большой силой и глубиной.

В романе «Бедные люди» есть и примеры счастливого, как будто бы, детства. В первую очередь это история девочки Машеньки, внучки бывшей хозяйки Макара Девушкина, рассказанная в письме от «Апреля 8»: «Внучка у ней Маша была – ребёнком ещё помню её – лет тринадцати теперь будет девочка. Такая *шалунья* была, *весёленькая*, всё нас смешила...» [38].

Любимым занятием Маши было слушать бабушкины сказки во время зимних вечерних посиделок: «А дитя-то, шалунья-то наша, *призадумается; подопрёт ручонкой розовую щёчку*, ротик свой раскроет

хорошенький и, чуть страшная сказка, так жмётся, жмётся к старушке» [38]. Задумчивость резвухи Машеньки иного рода, чем задумчивость дочки бедного чиновника Горшкова, потрясённой смертью братика. Это реакция эмоционально чуткого, живого ребёнка, впервые соприкасающегося с миром народного поэтического творчества. И для самого Макара Девушкина эти воспоминания, которые «очищаются от дурного» («Странное дело – тяжело, а воспоминания как будто приятные»), вызывают светлые, добрые чувства.

Именно в это время, о котором теперь вспоминает Макар Девушкин, у него было что-то похожее на семью («*Огонь-то* мы с нею [хозяйкой – бабушкой Машеньки – И.С.] *вместе держали*, так за *одним столом* и работали», «*вот мы троём так и жили*»). И главной радостью этого маленького «семейного» мирка был ребёнок – Машенька. Но что случилось с девочкой после смерти горячо любившей её бабушки, которой «лет тринадцать теперь будет», как сложилась жизнь сироты (в воспоминаниях Макара Девушкина нет упоминания о её родителях), – об этом ничего не говорится в романе. И это вносит тревожную ноту в воспоминания героя, пронизанные тёплым и светлым чувством. Так, в роман вводится тема оборванного детства: кончается счастливая пора, и ребёнок оказывается одиноким и беззащитным в холодном и жестоком мире.

Сходной была судьба и Вареньки Доброселовой. Детство, о котором героиня рассказывает сама (в своих «записках», посылаемых Макару Алексеичу вместе с письмом от «Июня 1»), «было *самым счастливым временем*» её жизни: «Началось оно не здесь, но далеко отсюда, в провинции, в глуши» [46]. В отличие от жизни «в углу» семьи Горшковых и «маленькой такой квартирке», где жил прежде Макар Девушкин со старушкой-хозяйкой и ее внучкой, пространство сельской жизни в воспоминаниях Вареньки Доброселовой – это открытый идиллический мир, наполненный радостью. Сама фамилия «Доброселова» связана с сельской местностью и понятием добра, доброты. Беззаботная деревенская жизнь в кругу семьи, любовь родителей, общение с природой формируют открытый, импульсивный характер Вареньки.

Большую роль в воспитании Вареньки, как и Машеньки, сыграли народные сказки. Осенью, когда завершаются все сельские работы, начинались домашние посиделки, во время которых няня Ульяна сказывала сказки: «Сырые дрова трещат в печи... старая няня Ульяна рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов. Мы, дети, жмёмся подружка к подружке, а улыбка у всех на губах. Вот вдруг замолчим разом... чу! шум! как будто кто-то сту-

чит! Ничего не бывало; это гудит самопрялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало!» [115-116].

Весёлое, радостное детство Вареньки наполнено солнечным светом и предметно-бытовыми образами домашнего уюта и очага: «Солнце светит кругом яркими лучами, и лучи разбивают, как стекло, тонкий лёд. *Светло, ярко, весело! В печке опять трещит огонь*; подсядем все к *самовару*, а в окна посматривает продрогшая ночью чёрная наша *собака Полкан* и *приветливо махает хвостом*. *Мужичок* проедет мимо окон на *бодрой лошадке* в лес за дровами. *Все так довольны, так веселы!.. Ах, какое золотое было детство моё!..*» [116]. Таким образом, в раннем творчестве Ф.М. Достоевского детство, в *нормальном* его варианте, осмысливается как счастливая пора, куда человек хочет возвратиться, понимая невозможность этого.

Однако переезд семьи Доброселовых из деревни в Петербург, в надежде поправить финансовое положение, приводит к тому, что счастливая жизнь Вареньки, которой на момент переезда было «ещё только двенадцать лет», сменяется тяжёлыми городскими буднями. По контрасту с образами деревни как некоего идиллического светлого рая в воспоминаниях Вареньки («Когда мы оставляли деревню, день был такой *светлый, теплый, яркий*... все было так *ясно и весело*...») возникают в романе мрачные картины Петербурга («... при въезде нашем в город, *дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть* и толпа новых, незнакомых лиц, *негостеприимных, недовольных, сердитых!*» – 47). Два мира – две резко противопоставленных друг другу стадии жизни героини.

Вареньку отдают в пансион, к распорядку которого ей очень трудно было привыкать, всё казалось ей чужим. Девочка часто тоскует по родному дому: «Бывало, по вечерам все повторяют или учат уроки; я сижу себе... шевельнуться не смею, а сама всё думаю про *домашний наш угол*, про батюшку, про матушку, про мою старушку няню, про нянины сказки...» [47]. Так поддерживается уже возникший в «Бедных людях» мотив одиночества ребёнка, насильно оторванного от семьи, от родного дома: «Станет подходить вечер, – пишет Варенька, – и грусть нападёт смертельная, нужно в девять часов в пансион идти, а там всё чужое, холодное, строгое... пойдёшь *в уголок* и поплачешь *одна-одинёшенька*...» [83]. Снова возникает образ «угла»: с одной стороны, «домашний угол» – синоним дома, семьи, очага, – в котором, и при малости его (в Петербурге), не тесно, в котором ребёнок продолжает жить в окружении близких и любящих людей. С другой стороны, это «угол» («уголок»), куда забивается обиженный, одинокий ребёнок, чтобы выплакать своё горе. И всё-таки в пору своей пансионской жиз-

ни Варенька ещё не так одинока (известно, что на выходные девочку забирали домой).

После смерти отца Вареньку, которой в ту пору было четырнадцать лет, и её мать берёт под опеку их дальняя родственница – Анна Фёдоровна. Во время нелёгкой жизни в доме Анны Фёдоровны отдушиной для Вареньки становится её первая любовь к бедному студенту Покровскому. В «записках» Вареньки изображён процесс возникновения ещё совсем детского чувства влюблённости в душе девочки-подростка (позднее этот опыт будет продолжен в описании чувств мальчика к мадемуазель М* в рассказе «Маленький герой»). После смерти Покровского и матушки, Варенька остаётся круглой сиротой. От покровительства Анны Фёдоровны Варенька долго не сможет избавиться и, в конечном счёте, при её содействии она будет «продана» помещику Быкову. Подобная же судьба ожидает и двоюродную сестру Вареньки – Сашу, «сиротку, без отца и матери», очередную «воспитанницу» сводни Анны Фёдоровны.

Таким образом, история провинциальной дворянской семьи, выбитой из колеи жизни, и судьба ребенка-сироты предстают как типичные в романе. Независимо от социального статуса и происхождения героев, их детство изображается Достоевским как резко, внезапно оборванное, а значит, оно воспринимается автором романа как ненормальное, искалеченное.

Истории детей, их судьбы, переданные, благодаря эпистолярной форме, с неподдельной искренностью и правдивостью, вписываются в картину всеобщего неблагополучия, которая воссоздается Ф.М. Достоевским в романе «Бедные люди». Анализ показывает, что в раскрытии темы детства в первом опубликованном романе писателя социальный аспект изображения является доминирующим. Именно судьба детей, как она изображена в «Бедных людях», является свидетельством социальной несправедливости и жестокости современного писателю мира. В дальнейшем будут усложняться и семантика образа ребенка, и трактовка Достоевским темы детства. Но уже в «Бедных людях» обнаруживается его «глубокая боль о человеке» (Н.А. Добролюбов), которая будет определять в дальнейшем гуманистический пафос творчества автора «великого пятикнижия».